

455 s.

14. Jarovjy V. I. Novitnja istorija kraj'n Shidnoi' Jevropy 40–vi – 90–ti roky XX st.: Kurs lekcij: Navch. posibnyk. – K.: Lybid', 1997. – 269 s.

Buravchenko R. V., Ph.D. in History, Cherkassy State Technological University (Ukraine, Cherkassy), gatyla@ukr.net

Disintegration of the USSR the end of the 20th century: logical consequence of the collapse of totalitarian ideology

The object of the research paper is to identify the relationship collapse of totalitarian ideology and the collapse of the Soviet Union the end of the 20th century. Irreversible collapse scientifically substantiated Friedrich August von Hayek in his studies. Owing to sociological method analyzes the impact of economic relations and the social structure of the political system of the USSR the end of the 20th century. The historical method allows us to study political phenomena in the Soviet Union in the period in their sequential development time, identify links past, present and future. Given that the basis of the political system of the USSR from the very beginning of its establishment was built based on false reasoning basis of anti-market relations, the collapse of the Soviet Union after the exhaustion of the main resource – the peasantry, was the logical conclusion of viable models in the market society. This collapse has launched a new political reality of the relationship as the world in general and in Central and Eastern Europe.

Keywords: the Union of Soviet Socialist Republics, Ukraine, Russia, Baltic, the creation, the state of the republic, the Commonwealth of Independent States, M. S. Gorbachev, B. N. Yeltsin, L. M. Kravchuk.

Буравченко Р. В., кандидат исторических наук, Черкасский государственный технологический университет (Украина, Черкассы), gatyla@ukr.net

Распад СССР в конце XX в., как результат краха тоталитарной идеологии

Целью исследования является выявление взаимосвязи краха тоталитарной идеологии и распада Советского Союза в конце XX в. Необратимость краха научно обосновал Ф. А. фон Хайек в своих исследованиях. Благодаря социологическому методу анализируется влияние экономических отношений и социальной структуры на политическую систему СССР конца XX в. Исторический метод позволяет изучить политические явления в СССР в указанный период в их последовательном хронологическом развитии, обнаружить связи прошлого, настоящего и будущего. Учитывая, что в основу функционирования политической системы СССР с самого начала его создания был заложенный основанный на ошибочных умозаключениях базис антирыночных отношений, распад СССР после исчерпания основного своего ресурса – крестьянства, стал логическим финалом окончания нежизнеспособной модели в рыночном обществе. Данный распад запустил новую реальность политических взаимоотношений, как в мире в целом, так и в Центрально-Восточной Европе.

Ключевые слова: СССР, Украина, Россия, Прибалтика, создание, государственный, республика, Содружество Независимых Государств, М. С. Горбачев, Б. М. Ельцин, Л. М. Кравчук.

* * *

удк 32.1.8

Веденеев В. А.
кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, доцент, Криворожский национальный университет (Украина, Кривой Рог), vedi2010@rambler.ua

ПРОЦЕСС АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОДЕЛЯХ ИДЕНТИЧНОСТИ РАЗНЫХ ЭТАПОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Анализируется процесс формирования континуума украинской политической культуры, рассматриваемого в контексте этапов политической истории, сквозь призму явления идентификации человека, характеризующего субъективную сторону формирования мозаики политико-культурного целого. Как инструмент исследования используются аксиологический, исторический, социокультурный и социально-психологический методы. Отмеченные этапы развития украинской государственности и политической культуры позволяют описать плюсы и минусы ключевых моделей идентичности (пост-, ко- и префигуративной) с имманентными им субъектами идентификации. Указывается динамическая и векторная характеристики культурного выбора направления вектора темпоральной модели идентичности, определяющей специфику социокультурной ситуации в обществе.

Ключевые слова: континуум, модель идентификации, политическая культура, социокультурный, украинский, ценности, этапы политической истории.

(статья друкується мовою оригіналу)

Этапы развития украинской политической культуры традиционно связываются с историческими этапами развития украинского общества, но, к сожалению, при такой логике изложения вопроса в тени остается главный компонент социокультурной составляющей механизма трансляции ценностей в политическом процессе – человек. А ведь именно человек, включаясь в процесс идентификации, осуществляет выбор (лангирование во времени) политических ценностей, периформирует шкалу ценностей, актуализирует патриархально-коллективистские или либеральные традиции континуума украинской политической культуры. Реализация идентификации человека помимо возможности выбора модели поведения, принадлежности к ценностям тех или иных субкультур [1; 2] должна включать в себя осознанную или бессознательную временную и динамическую характеристику этого выбора, определяющего, в конечном счете, характеристику украинской политической культуры.

Целью статьи является анализ процесса формирования континуума украинской политической культуры, рассматриваемого в контексте этапов украинской политической истории, сквозь призму явления идентификации человека, характеризующего субъективную сторону формирования мозаики политико-культурного целого. Исходя из указанной цели, автор определил задания: выяснить, во-первых, где берутся модели идентификации (в прошлом, будущем или настоящем); во-вторых, направление их развития (в прошлое, в будущее или временная динамика отсутствует).

Разные ракурсы проблемы идентификации исследовали немало ученых, но автор статьи обратил внимание на работы М. Буссерри [3], Р. Карниоля [4], Н. Либермана [5], Дж. Питца [6], Е. Пронина [7], М. Синнереллы [8], Дж. Твендж [9], Я. Тропе [10], изучавших темпоральные факторы нарративной идентификации, а также на работы Е. Белинской [11], Т. Стефаненко [12], С. Поцелуева [13], В. Ядова [14], изучавших идентификацию в условиях трансформирующихся обществ. На наш взгляд динамическая и векторная характеристики культурного выбора направления вектора темпоральной модели идентичности не достаточно осмысленны [15], хотя являются принципиальными для понимания специфики (содержания, структуры) политической культуры общества на разных этапах его развития, поскольку раскрывают проблемы внутренней непротиворечивости, легитимности и устойчивости культурного целого. Как инструмент исследования используются аксиологический, исторический, социокультурный и социально-психологический методы.

В современном концепте периодизации отечественной истории могут быть отмечены следующие этапы развития украинского общества и государственности [16] и соответствующие им этапы в развитии отечественной политической культуры: 1) IX–сер. XV вв. (до 1434–1435 гг.) политическая культура княжеского периода характеризуется как время русского права; 2) XIV–нач. XVIII вв. земли Украины–Руси в составе Польской державы, Великокняжества

Литовского и Речи Посполитой, формирование политической культуры на основе принципов римского и магдебургского права, самоуправления и гуманизма, ренессансных политико-правовых идей; 3) нач. XVI – нач. XVIII вв. период от формирования казацкого уклада жизни до казацкой государственности с присущей ему политической культурой ограниченной сословной демократии; 4) кон. XVIII–нач. XX вв. политическая культура имперского периода, основанная на принципах триады: самодержавие–православие–народность; 5) с 1917 г. политическая культура советского периода, основанная на принципах коммунистической утопии; 6) с 1991 г. политическая культура постсоветского периода характеризуется идейным разнообразием, варьирующим от форм крайнего национализма до либерализма.

Адаптированная к поставленным нами задачам концепция М. Мид [17, с.322–361] (омежпоколенческих отношениях) позволяет выявить (по аналогии с семьей) ключевую фигуру (т.е. субъективную составляющую) идентификации, характерную для каждого из этапов истории и типов культур: в постфигуративной образцом социокультурной идентичности служат предки, в кофигуративной – сверстники, в префигуративной – достаточно абстрактные идеи.

Выбор векторной направленности может определяться множеством факторов: скоростью развития изменений, необходимостью адаптации к ним. С психологической точки зрения он должен основываться также и на интрасубъектном переживании “правильности” данного выбора. Именно это переживание обеспечивает субъективную убедительность ответа на вопрос о том, насколько человек способен персонализировать картину мира и идентифицировать себя.

Одна точка бифуркации – это отношение к прогрессу. Традиционалистская позиция исходит из имплицитного представления о ранее существовавшем в истории человечества “золотом веке” благоденствия, а любые изменения, если они противоречат былому порядку, есть зло, отдаляющее нас от этих времен. При такой логике становится понятным, что с удалением от “золотого века” идет смена поколений, регрессирующих от золота к железу [18]. Прогрессистская позиция размещает “золотой век” в будущем. Аргументы этих точек зрения трудно доказуемы, ибо размещают идеальное время в не верифицируемом хронотопе. “Прошлое” локализуется в настолько субъективно далеком времени, что любая попытка его опровергнуть, рассматриваемая как покушение на заветы предков, реально не верифицируема, что касается “будущего”, то мы его еще не достигли. Гипотетически “золотой век” может быть и в настоящем, хотя, исходя из жизненного опыта мы знаем, что людей, удовлетворенных настоящим крайне мало.

При выборе модели идентификации, основанной на прошлом надо понимать, что это уже созданная устойчивая и проверенная временем основа идентичности, которой лишь необходимо максимально строго следовать. Постфигуративная модель обладает преимуществом индивидуальной привлекательности нашего собственного детства. Инфантильное чувство

защищенности, низкой индивидуальной ответственности придадут ему качества “индивидуального рая”, в который хочется вернуться. В “Зачарованной Десне” Сашко – литературный аналог идеализированного отношения к прошлому [19]. Правда привлекательность постфигуративной модели несколько теряется при ее реализации. Все более или менее понятным если она списывается с собственной семейной истории, но если речь идет (как в нашем случае) о национальной истории или континууме политической культуры, то возникает ряд неясных моментов.

В этом случае остается вопрос о том, какой именно временной модели необходимо следовать. История ведь тоже динамична, если говорить об украинской истории, то неясно, что необходимо выбрать в качестве точки отсчета: Киевскую Русь или Галицко-Волынское княжество, эпоху казацкого государства или петровское время, дореволюционную Российскую империю или постреволюционное Советское государство? Выбор постфигуративной модели идентификации обычно требует мифологизации истории и создания пантеона героев, с которыми без излишних вопросов можно себя идентифицировать. Логика идентификации зачастую основывается на заведомо ложных посылах, а так как злыбко лжи может следовать все что угодно, то процесс идентификации будет хотя и безупречным, но результат окажется эфемерным. С целью подтверждения первенства той или иной модели идентификации, выбранной в настоящем, вся предшествующая история может быть переписана настолько, что трудно будет найти ориентиры в прошлом и установить с ним связь, особенно если истина о нем исключена или искажена тиражируемой СМИ информацией. “Вся наша реальность, в том числе и трагические события прошлого, была пропущена через средства массовой информации” [20, с. 134].

Следующим отрицательным свойством префигуративной модели является то, что она сохраняет устойчивость только в обществе с субъективной приемлемостью и в условиях ощущения справедливости бытия всем населением. При разрушении этого ощущения неэффективность социальных лифтов, позволяющих перемещаться внутри общества, становится источником революций, ставящих под сомнение существование этой модели. В условиях политической реальности постфигуративная модель, закрепляя неизменность социального бытия, автоматически порождает конфликт, поскольку в любом обществе есть недовольные, желающие его реформировать.

Довольно часто речь идет о динамическом варианте модели, который можно было бы описать как “вперед в прошлое”. Постфигуративная модель идентичности актуализируется в ситуации утраты ориентиров настоящего и тревоги в отношении неясного будущего. В этой ситуации возникает всплеск традиционализма, поскольку именно постфигуративная модель воспринимается обыденным сознанием как более безопасная. Иллюстрацией вышесказанного в постсоветской Украине служат начавшиеся процессы возрождения национальной символики, института “казачества”, роли церкви, возвращения исторических

названий топонимам, улицам и т.п. Ситуацию это не меняет, но дает ощущение заполненного вакуума идентификации или переосмысливания не вполне приемлемого отрезка политической истории.

Современные социокультурные реалии свидетельствуют о том, что нет внутренне однородной, абсолютно непротиворечивой модели темпоральной идентификации. Вокруг существуют лишь “смешанные” векторы направлений поиска идентичности, где можно столкнуться со случаями парадоксального смешения моделей прошлого, настоящего и будущего, в которых сочетаются логически несовместимые ценностные ориентиры. На уровне практики традиционалистская ориентация может прибегать к использованию самых совершенных технологических решений, таких как радиоуглеродный метод документирования артефактов, которые должны верифицировать соответствие мифологической истории реальной, примерами здесь могут послужить славянские берестяные грамоты, захоронения и т.п.

В личностном измерении кофигуративная культура связывалась М.Мид с ситуацией быстрых изменений, когда опыт предков не может служить моделью для подражания, и более уместна ориентация на современников (сверстников). Чисто психологически это определяется потребностью сохранить или законсервировать комфортную ситуацию “настоящего”, существующего краткосрочно. В норме кофигуративная идентичность свойственна подросткам, ориентация которых на свою субкультуру позволяет им ощущать коллективную безопасность и поддержку сверстников в столкновениях с миром взрослых [21]. В патологической форме это форма идентичности оборачивается проявлением архетипа Рюгаетегнус – вечного мальчика нежелающего взрослеть.

В социально-историческом измерении вариант кофигуративности присущ постреволюционным ситуациям как некая “усталость от перемен”, когда необходимо сохранить хрупкую и далеко не идеальную стабильность, лишь бы недопустить социальных потрясений. В результате общество оказывается ввергнуто в состояние стагнации, которая долгое время принимается гражданами за период не богатой, но спокойной жизни. Проблема состоит в том, что кофигуративная модель идентификации имплицитно содержит в себе кризисность, несмотря на то, что усилия властей и граждан направлены на сохранение стабильности “настоящего”. Объясняется это тем, что логика развития порождает противоречия в иллюзорно “незыблемом” мире, разрушая несокрушимые политические режимы – “как колоссы на глиняных ногах” изнутри. Брежневский застой – классические примеры “торжества кофигуративности”, когда партийная номенклатура препятствовала любым попыткам реального обновления общества.

Кофигуративная идентификация несет еще одну форму “социальной патологии”, укрепляющей дифференциацию общества и образования “лакунарных” интересов с точки зрения мотивации на “тех, кому есть, что терять” и на “тех, кому терять нечего”. Меркантильным интересам “тех, кому есть, что терять” соответствует стремление к сохранению status quo, которое они различными способами

навязывают обществу, транслируя идеи о том, что перемены могут нарушить “хрупкое социальное равновесие”.

Так на нашей памяти произошла радикальная трансформация стремлений вчерашних “революционеров”, – В. Юценка, Ю. Тимошенко, П. Порошенко, А. Яценюк и им подобных, от перемен стабильности любой ценой, от пропаганды серьезных изменений к использованию традиционно-проверенных методов политического участия (процедуры организации выборов, способов формирования власти). Сказанное подтверждают данные мониторингов ситуации в период подготовки и проведения выборов Президента Украины в мае в 2014 г. [22] и депутатов ВР Украины в октябре в 2014 г. [23, с. 46].

На уровне обыденного сознания это можно объяснить стремлением человека, достигшего власти минимизировать возможность своей отставки. Лакунарная идентификация порождает чувство локтя, взаимной поддержки, ибо каждая фрагментарная культура должна обеспечивать ощущение защищенности своим рекрутам. Электорат же наблюдает за тем, что во власти перетасовывается одна и та же группа политиков. В обществе возникает скрытое или явное противодействие лакунарной идентичности, основанной на меркантильных интересах и мотивах. Особенно явно это проявляется в периоды острых кризисов общенациональной и культурной идентичности (подобное, к примеру, украинское общество переживает последние 10 лет). Лакунарная кофигуративная идентичность, основанная на частных интересах, перекрывает социальные лифты не хуже, чем постфигуративная, и, в этом смысле, будучи транспонирована в прошлое (сохраняет уже созданную ситуацию), она создает группы, подчиняющиеся постфигуративным законам. Если же она артикулирует себя как префигуративная, то будущее в этом случае часто оказывается скорее личным проектом улучшенного настоящего.

Анализ текущего украинского кризиса показывает, что определяющим фактором его возникновения стало нежелание правящей элиты изменить привычный ход вещей, что выразилось в стремлении законодательным путем запретить даже критику правящего режима. За последние полтора года попытки ввести такие законы делались дважды: 16 января в 2014 г. принят пакет “законов о диктатуре” В. Олейника – В. Колесниченко [24], а 24 февраля в 2015 г. зарегистрирован проект № 2225 (о защите и сохранении авторитета государства) К. Матейченка [25]. Подобные факты следует рассматривать не как частный случай защиты меркантильных интересов, а как прямое следствие проявления модели кофигуративной идентификации.

Интересно, что кофигуративная модель оказывается наиболее уязвимой в период революционных изменений. Это объясняется тем, что в отличие от постфигуративной ее легитимация весьма зыбка. Для обыденного сознания более понятно, почему следует сохранять великое прошлое, которое из ныне живущих никто не видел, чем обосновать потребность сохранения настоящего, проблемы которого для многих очевидны.

Наиболее простая ситуация возникает на первый взгляд тогда, когда реперной точкой становится “будущее”. “Будущее” всегда открыто, в нем возможно все, нет никаких ограничений для мифологического обоснования божественного происхождения собственного власти. В мировоззренческом смысле ориентация на “будущее” сопровождается обесцениванием прошлых эпох: все от социально-политического опыта прошлого, сконцентрированного в политической культуре до морали, становится ненужным. “Будущее” в модернистской идеологии всегда обладает неизменным приматом перед “прошлым”. Так в IX в. в угоду идеальным планам становления христианства наши предки разрушали и предавали забвению языческие святыни, а затем в XX в., для реализации идеи коммунизма бесстрастно уничтожали христианские святыни. В идеале префигуративная модель всегда порождает деструктивное отношение к наследию “чуждого” прошлого.

Модели идентификации, ориентированной на будущее, имманентна направленность, по сути, на то “чего еще нет”, что в результате делает ее принципиально уязвимой и не позволяет создать устойчивого контекста, необходимого для формирования реально непротиворечивой идентификации. Ее уязвимость проявляется в том, что сам человек, в сущности, превращается в открытый проект возможного будущего, а ориентация только на будущее предполагает нивелирование и обесценивание всего того, что ему предшествовало. В таких условиях разрывается связь поколений, континуума политической культуры не существует. Подобная логика открывает возможности для бесконечных изменений, не оставляет места для их фиксации в отвергнутой истории, человек превращается в нечто без рода и племени.

Кроме этого, префигуративная модель всегда абстрактна, и в этом она проигрывает в конкретности и вещественной очевидности постфигуративной или кофигуративной. На ограниченных отрезках времени префигуративная идентификация способна мобилизовать народные массы, которым обещается возможность из “ничего стать всем”, но чем дальше отодвигается реализация проекта “всеобщего благоденствия”, тем больше она теряет свою организующую силу. Люди, рожденные в середине прошлого столетия, помнят обещание генсека о том, что “нынешнее поколение советского народа будет жить при коммунизме”. Но именно отсутствие очевидных изменений приводит к разочарованию в действующей префигуративной модели идентичности, что делает возможным появление новой префигуративной модели, когда на смену не реализованным идеалам коммунистического рая провозглашаются довольно спорные идеалы будущего капиталистического рая. Проблема будущего заключается в том, что оно всегда несет в себе ощущение несоответствия с локализованным хронотопом человеческой жизни.

Предложенная М. Мид история развития культуры, рассматриваемая с точки зрения эволюции способов взаимодействия поколений, и интерпретированные нами в несколько ином аспекте, остаются лишь идеальной моделью. Но даже из такого абстрактного

анализом темпоральных векторов развития общества могут быть сделаны вполне конкретные выводы. Процесс формирования континуума украинской политической культуры, рассматриваемый нами в контексте этапов украинской политической истории, сквозь призму явления идентификации, характеризующего субъективную сторону формирования мозаики политико-культурного целого, свидетельствует о том, что ни одна из выше перечисленных моделей идентичности не может считаться безоговорочно позитивной.

Все выше перечисленные этапы украинской политической истории начинались с проявления префигуративности, которая так и не принесла в индивидуальное и массовое сознание украинцев ощущения стабильности и уверенности. Советский период украинской истории прошел исключительно под влиянием префигуративной модели ориентированной на будущее, которое определяло смысл настоящего и элиминировало прошлое. В результате произошел разрыв континуума украинской политической культуры и внутренний разрыв в структуре идентичности. В тот этап были актуализированы не самые лучшие патриархально-коллективистские традиции мозаики политико-культурного целого, а вожденный коммунистический рай так и не наступил. Опасение в этом смысле вызывает и сегодняшнее префигуративное движение Украины к европейскому капиталистическому раю, которое мы начали в 2002 г.

После эпох префигуративности наступал период кофигуративности. Он приводил к расколу общества на противостоящие группы, руководствующиеся меркантильными интересами лакунарного сознания, ввергающего общество в очередной кризис, прерывающий эволюционный путь развития Украины. Хотя кофигуративный мир казался довольно привлекательным, на деле он был довольно хрупким.

Невзирая на гарантии устойчивости социального порядка, фундированного уходящими в века ценностями, ориентация на прошлое, как показывает история, всегда заканчивались уходом традиционалистов в небытие. Хотя следует подчеркнуть, что длительность существования постфигуративных культур в политической истории Украины превосходит другие культуры: она охватывает периоды с IX в. по нач. XVIII в.

В жизни вышеописанные идеальные типы идентификации встречаются крайне редко. Мы живем в мире мозаичного и порою парадоксального смешения фрагментов темпоральных модусов, из которых и складываются хитросплетения настоящего. Достижение соразмерности присутствия прошлого, настоящего и будущего в жизни человека – лучший способ избежать ловушек ложной идентичности. Человек же, актуализируя базовых традиций украинской политической культуры, лангировал их во времени и пространстве, воссоздавал континуум национальной политической культуры и социокультурный фон неустойчивого политического бытия.

Список использованных источников

1. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования:

[монографія] / А.В.Микляева, П.В. Румянцева. – СПб.: изд-во РГПУ, 2008. – 190 с.

2. Erikson E. Identity and the life cycle: selected papers / with a historical introd. by David Rapaport / E. Erikson. – N. Y.: International Universities Press, 1959. – 171p.

3. Busseri M.A., Choma B.L., Sadava S.W. Functional or fantasy? Examining the implications of subjective temporal perspective “trajectories” for life satisfaction / M.A. Busseri, B.L.Choma, S.W. Sadava // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2009. – Vol. 35. – P.295–308.

4. Karniol R., Ross M. The motivational impact of temporal focus: Thinking about the future and the past / R. Karniol, M. Ross // Annual Review of Psychology. – 1996. – Vol.47. – P.593–620.

5. Liberman N., Trope Y. The role of feasibility and desirability considerations in near and distant future decisions: A test of temporal construal theory / N. Liberman, Y. Trope // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol.75. – №1. – P.5–18.

6. Peetz J., Wilson A. E., Strahan E. J. So far away: The role of subjective temporal distance to future goals in motivation and behavior / J. Peetz, A.E.Wilson, E.J. Strahan // Social Cognition. – 2009. – Vol.27. – P.475–496.

7. Pronin E., Ross L. Temporal differences in trait self-aspription: When the self is seen as another / E. Pronin, L. Ross // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – Vol.90. – №2. – P.197–209.

8. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: The concept of possible social identities / M. Cinnirella // European Journal of Social Psychology. – 1998. – Vol.28. – P.227–248.

9. Twenge J., Campbell W. Age and birth cohort differences in self-esteem: A cross-temporal meta-analysis / J. Twenge, W. Campbell // Personality and Social Psychology Review. – 2001. – Vol.5. – P.321–344.

10. Trope Y., Liberman N. Temporal construal / Y. Trope, N. Liberman // Psychological Review. – 2003. – Vol.110. – №3. – P.403–421.

11. Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуациях неопределенности / Е.П. Белинская // Трансформация идентификационных структур современной России: науч. докл., №130 / под ред. Т.Г. Стефаненко. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.30–54.

12. Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках / Т.Г. Стефаненко // Трансформация идентификационных структур современной России: науч. докл., №130 / под ред. Т.Г. Стефаненко. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.11–29.

13. Поцелуев С.М. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев / С.М. Поцелуев // Трансформация идентификационных структур современной России: науч. докл., №130 / под ред. Т.Г. Стефаненко. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.106–159.

14. Социальные трансформации в России: теории, практика, сравнительный анализ: учеб. пособие / [Дробижева Л.М., Покровский Н.Е., Стефаненко Т.Г., Ядов В.А. и др.]; под ред. В.А. Ядова. – М.: МПСИ, 2005. – 584с.

15. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. Introduction: Toward an Integrative View of Identity / [edit. S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles] // Handbook of Identity: Theory and Research. – NY.: Springer New York, 2011. – P.1–27.

16. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. Яковенко. – [3-є вид.]. –К.: Критика, 2006. – 584 с.

17. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид; [пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; сост. и послесловие И.С. Кона]. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

18. Гесиод. Теогония // Полное собрание текстов: поэмы, фрагменты / Гесиод; [пер. В. В. Вересаева; вступ. ст. В.Н. Ярхо]. – М.: Лабиринт, 2001. – 254 с.

19. Довженко О. П. Зачарована Десна [Текст]: Кіноповість / О.П. Довженко; [вступ. ст. та біогр. дані М. Корсюка]. – Бухарест: Критеріон, 1987. – 107 с.

20. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр; [пер. с франц. Л. Любарской, Е. Марковской]. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

21. Бержере Ж. Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника / Ж. Бержере. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 397 с.

22. Звіт довгострокового спостереження за позачерговими виборами Президента України 25 трав. 2014 р. [Електронний ресурс]: за даними ВГО “Комітету виборців України”, 8–22 трав. 2014. – 14 с. – Режим доступу: <http://www.slideshare.net/victorylymar/dts-04president-35040777?related=1>. – Назва з екрану.

23. Стан свободи слова під час парламентських виборів 2014 [Електронний ресурс]: звіт підготовлено в рамках проекту “Мережа медіа-спостерігачів”, який виконує ІМІ за підтримки FreedomHouse та МЗС Норвегії. – Київ, 2014. – 52 с. – Режим доступу: <http://www.slideshare.net/Nikorupciji/ukraine-2014-new>. – Назва з екрану.

24. Хоменко С. “Ручні” закони: путч чи запораука благополуччя? [Електронний ресурс] / С. Хоменко // BBC Україна, 16.01.2014. – Режим доступу: http://www.bbc.com/ukrainian/2014/01/140116_ukraine_ruchni_zakoni. – Назва з екрану.

25. З Ради відкликали законопроект про заборону критики влади [Електронний ресурс] // УНІАН, 02.03.2015. – Режим доступу: <http://www.unian.ua/politics/1050484-z-radi-vidklikali-zakonoproekt-pro-zaboronu-kritiki-vladi.html>. – Назва з екрану.

References

1. Mikljaeva A. V., Rumjanceva P. V. Social'naja identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mehanizmy formirovanija: [monografija] / A. V. Mikljaeva, P. V. Rumjanceva. – SPb.: izd-vo RGPU, 2008. – 190 s.

2. Erikson E. Identity and the life cycle: selected papers / with a historical introd. by David Rapaport / E. Erikson. – N. Y.: International Universities Press, 1959. – 171 p.

3. Busseri M. A., Choma B. L., Sadava S. W. Functional or fantasy? Examining the implications of subjective temporal perspective “trajectories” for life satisfaction / M. A. Busseri, B. L. Choma, S. W. Sadava // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2009. – Vol. 35. – P.295–308.

4. Karniol R., Ross M. The motivational impact of temporal focus: Thinking about the future and the past / R. Karniol, M. Ross // Annual Review of Psychology. – 1996. – Vol.47. – P.593–620.

5. Liberman N., Trope Y. The role of feasibility and desirability considerations in near and distant future decisions: A test of temporal construal theory / N. Liberman, Y. Trope // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol.75. – №1. – P.5–18.

6. Peetz J., Wilson A. E., Strahan E. J. So far away: The role of subjective temporal distance to future goals in motivation and behavior / J. Peetz, A. E. Wilson, E. J. Strahan // Social Cognition. – 2009. – Vol.27. – P.475–496.

7. Pronin E., Ross L. Temporal differences in trait self-aspription: When the self is seen as an other / E. Pronin, L. Ross // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – Vol.90. – №2. – P.197–209.

8. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: The concept of possible social identities / M. Cinnirella // European Journal of Social Psychology. – 1998. – Vol.28. – P.227–248.

9. Twenge J., Campbell W. Age and birth cohort differences in self-esteem: A cross-temporal meta-analysis / J. Twenge, W. Campbell // Personality and Social Psychology Review. – 2001. – Vol.5. – P.321–344.

10. Trope Y., Liberman N. Temporal construal / Y. Trope, N. Liberman // Psychological Review. – 2003. – Vol.110. – №3. – P.403–421.

11. Belinskaja E. P. Konstruirovanie identifikacionnyh struktur lichnosti v situacijah neopredelennosti / E. P. Belinskaja // Transformacija identifikacionnyh struktur v sovremennoj Rossii: nauch. dokl., №130 / pod red. T. G. Stefanenko. – M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001. – S.30–54.

12. Stefanenko T. G. Izuchenie identifikacionnyh processov v psihologii i smezhnyh naukah / T. G. Stefanenko // Transformacija identifikacionnyh struktur v sovremennoj Rossii: nauch. dokl., №130 / pod red. T. G. Stefanenko. – M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001. – S.11–29.

13. Pocoluev S. M. Simvolicheskie sredstva politicheskoi identichnosti. K analizu postsovetских sluchaev / S. M. Pocoluev // Transformacija identifikacionnyh struktur v sovremennoj Rossii: nauch. dokl., №130 / pod red. T. G. Stefanenko. – M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001. – S.106–159.

14. Social'nye transformacii v Rossii: teorii, praktika, sravnitel'nyj analiz: ucheb. posobie / [Drobizheva L. M., Pokrovskij N. E., Stefanenko T. G., Jadov V. A. i dr.]; pod red. V. A. Jadova. – M.: MPSI, 2005. – 584 s.

15. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. Introduction:

Toward an Integrative View of Identity / [edit. S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles] // Handbook of Identity: Theory and Research. – NY.: Springer New York, 2011. – P.1–27.

16. Jakovenko N. Narys istorii' Ukrainy z najdavnishykh chasiv do kincja XVIII stolittja / N. Jakovenko. – [3–je vyd.]. – K.: Krytyka, 2006. – 584 s.

17. Mid M. Kul'tura i preemstvennost'. Issledovanie konflikta mezhdz pokolenijami // Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya / M. Mid; [per. s angl. i komment. Ju. A. Aseeva; sost. i posleslovie I. S. Kona]. – M.: Nauka, 1988. – 429 s.

18. Gesiod. Teogonija // Polnoe sobranie tekstov: pojemy, fragmenty / Gesiod; [per. V. V. Veresaeva; vstup. st. V. N. Jarho]. – M.: Labirint, 2001. – 254 s.

19. Dovzhenko O. P. Zacharovana Desna [Tekst]: Kinopovist' / O. P. Dovzhenko; [vstup. st. ta biogr. dani M. Korsjuka]. – Buharest: Kryterion, 1987. – 107 s.

20. Bodrijar Zh. Prozrachnost' zla / Zh. Bodrijar; [per. s franc. L. Ljubarskoj, E. Markovskoj]. – M.: Dobrosvet, 2000. – 387 s.

21. Berzhere Zh. Patopsihologija. Psihoanaliticheskiy podhod: Teorija i klinika / Zh. Berzhere. – M.: Aspekt-Press, 2008. – 397 s.

22. Zvit dovgestrokovogo sposterezhenja za pozachergovymy vyboramy Prezydenta Ukrainy 25 trav. 2014 r. [Elektronnyj resurs]; za danymy VGO "Komitetu vyborciv Ukrainy", 8–22 trav. 2014. – 14 s. – Rezhym dostupu: <http://www.slideshare.net/victorkylymar/dts-04president-35040777?related=1>. – Nazva z ekranu.

23. Stan svobody slova pid chas parlaments'kyh vyboriv 2014 [Elektronnyj resurs]: zvit pidgotovleno v ramkah proektu "Merezha media–sposterigachiv", jakyj vykonuje IMI za pidtrymky Freedom House ta MZS Norvegii". – Kyi'v, 2014. – 52 s. – Rezhym dostupu: <http://www.slideshare.net/Nikorupciji/ukraine-2014-new>. – Nazva z ekranu.

24. Homenko S. "Ruchni" zakony: putch chy zaporuka blagopoluchchja? [Elektronnyj resurs] / S. Homenko // VVS Ukrain'a, 16.01.2014. – Rezhym dostupu: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/politics/2014/01/140116_parliament_thursday_sx.shtml. – Nazva z ekranu.

25. Z Rady vidklykaly zakonoproekt pro zaboronu krytyky vlady [Elektronnyj resurs] // UNIAN, 02.03.2015. – Rezhym dostupu: <http://www.unian.ua/politics/1050484-z-radi-vidklykali-zakonoproekt-pro-zaboronu-kritiki-vladi.html>. – Nazva z ekranu.

Vedeneyev V. A., PhD, associate professor of the faculty of philosophy and social science, docent, KryvyiRih National University(Ukraine, KryvyiRih), vedi2010@rambler.ru

The process of actualization of Ukrainian political culture values through the models of identity by different stages of political history

The formation process of Ukrainian political culture continuum is being analysed in the context of different stages of political history through the phenomenon of identification human, who describes a subjective side of formation the political and cultural part of being. Axiological, historical, social-cultural and social-psychological methods are being used as tools for researches. The selected stages of Ukrainian statehood and political culture development allows us to see + and – of most important models of identity (post-, co- and prefigurative) with immanent identify subjects. The dynamic and vector characteristics of cultural choice of the temporal identify model, that is defining the specifics of socio-cultural situations in society, are being indicated.

Keywords: continuum, model of identification, political culture, socio-cultural, Ukrainian, values, stages of political history.

Веденев В. О., кандидат політичних наук, доцент кафедри філософії і соціальних наук, доцент, Криворізький національний університет (Україна, Кривий Ріг), vedi2010@rambler.ru

Процес актуалізації цінностей української політичної культури в моделях ідентичності різних етапів політичної історії

Аналізується процес формування континууму української політичної культури, яка розглядається в контексті етапів політичної історії, крізь призму явища ідентифікації людини, що характеризує суб'єктивну сторону формування мозаїки політико-культурного цілого. Як інструмент дослідження використовуються аксіологічний, історичний, соціокультурний і соціально-психологічний методи. Відмічені етапи розвитку української державності і політичної культури дозволяють описати плюси і мінуси ключових моделей ідентичності (пост-, ко- і префігуративної) з іманентними їм суб'єктами ідентифікації. Вказується динамічна і векторна характеристики культурного вибору напрямку вектору темпоральної моделі ідентичності, яка визначає специфіку соціокультурної ситуації в суспільстві.

Ключові слова: континуум, модель ідентифікації, політична культура, соціокультурний, український, цінності, етапи політичної історії.

* * *

УДК 796.011:32

Ніколайчук Г. Г.
здобувач, Київський національний
університет імені Тараса Шевченка
(Україна, Київ), G.Nikolaichuk@gmail.com

СПОРТ ЯК СКЛАДОВА SMART POWER В СУЧАСНИХ ПОЛІТИЧНИХ ПРОЦЕСАХ

В статті спорт розглядається як складова концепту м'якої сили в межах реалізації політичними акторами стратегії smart power. Особливу увагу акцентовано на впливі глобальних спортивних подій на сучасні політичні процеси. Окреслено евристичний потенціал спорту як інструменту політики.

Ключові слова: спорт, soft power, smart power, політичний процес, глобальні спортивні події.

Важливим науковим сюжетом, пов'язаним з функціональним виміром спорту в сучасному політичному процесі, виступає розгляд масштабних спортивних подій як інструменту smart power ("розумної сили"), концепту розробленому відомим американським політологом Джозефом Наєм молодшим (Joseph S. Nye) та Річардом Армітіджем (Richard Armitage). Останнім часом ім'я Джозефа Ная (Joseph S. Nye) було прийнято асоціювати з введеним ним ще на початку 90-років ХХ століття поняттям "soft power" ("м'яка сила"). Навколо теоретико-концептуального та практико-політичного змісту цього поняття досі тривають запеклі дискусії як в зарубіжній, так і у вітчизняній політологічній літературі. Особливо ці дискусії активізувалися з огляду на взаємозв'язок спорту і політики в контексті smart power, і нам варто згадати таких науковців як Й. Грікс (J. Grix), С. Корнеліссен (S. Cornelissen), Д. Лі (D. Lee), Р. Левермор (R. Levermore), С. Л'юкс (S. Lukes), В. Манценрайтер (W. Manzenreiter), С. Фінлі (C. Finlay), які достатньо активно розробляють цю важливу проблему політичної науки.

В цій статті нами тематизується нове та доволі цікаве поняття, що було сформульовано зовсім нещодавно за безпосередньої участі Дж. Ная та вже спровокувало значну увагу серед вітчизняної політологічної спільноти. Мова йде про "smart power" ("розумна сила"), яке вперше було запропоновано в доповіді "A Smarter, More Secure America" (2007), прочитаній Дж. Наєм разом з экс першим заступником держсекретаря США Річардом Армітіджем (Richard Armitage) для Центру стратегічних та міжнародних досліджень США (Center for Strategic and International Studies, CSIS) [4].

Метою статті буде спроба окреслити евристичний потенціал спорту як інструменту політики, що знаходить своє практичне застосування за допомогою саме концепту smart power в сучасних політичних процесах. Основну увагу в статті буде сфокусовано на глобальних/масштабних спортивних змаганнях як складових стратегії smart power, що реалізується політичними акторами в сучасному політичному просторі.

Повертаючись до доповіді авторитетних американських політологів зауважимо, що нас вона цікавитиме, в першу чергу, виходячи з можливих перспектив та трендів використання спорту як потужного інструменту smart power в сучасних політичних процесах.